

краткий курс

В. Г. Иванов

Этика

Предмет этики
История этических учений
Мораль и нравственность
Нравственная культура
Моральные ценности

 ПИТЕР

Владимир Георгиевич Иванов

Этика. Краткий курс

Серия «Краткий курс (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=585705
Этика: Питер; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-49807-345-3

Аннотация

Этика, самая «человечная» из учебных дисциплин, погружает читателя в мир нравственности и морали. Именно нравственность, по мнению автора этого пособия, заслуженного деятеля науки РФ В. Г. Иванова, является мостиком, соединяющим человека с Богом и Вселенной. Мораль же – осознание этой связи. В пособии, в соответствии с программой курса, рассматриваются основные проблемы и категории этики, проводится четкое разграничение между нравственностью и моралью. Анализируя нравственную культуру и моральные ценности, автор четко придерживается принципа историзма, обращаясь к таким явлениям, как институт рыцарства, мораль и нравственность светских феодалов, нравы бюргерства и др. Значительное место в пособии отведено смыслу жизни человека и судьбам человечества. Для облегчения усвоения материала приведены контрольные вопросы к курсу (по главам) и список дополнительной литературы.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
Раздел I	8
Глава 1. Предмет этики	8
Глава 2. Свобода, необходимость, ответственность	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Иванов

Этика

*Анне Кузьминичне и Александру Александровичу
Лавровым – моим наставникам и друзьям посвящаю
этот труд*

ВСТУПЛЕНИЕ

Человек забивает гвоздь. Это нравственно или безнравственно? На поставленный именно так вопрос невозможно ответить: необходимо знать, для чего, с какой целью он забивает гвоздь. Например, он забивает гвоздь, строя собственный дом. Созидательная цель обуславливает нравственную ценность его поступка, его поведения. Однако если бы он забивал гвоздь при отстраивании сгоревшего дома соседа, нравственная ценность его поступка была бы выше: не для себя старается...

А если человек забивает гвоздь, распиная Христа? В таком случае его поступок безнравственный, поскольку целью оказываются мучение и смерть другого человека и цель эта разрушительна.

Попытаемся осмыслить предложенную ситуацию.

Во-первых, очевидно принципиальное различие между

действием и поступком. Действие – забивание гвоздя – невозможно оценить с точки зрения морали. Чтобы действие стало поступком, необходимо знание цели, смысла действия. Таким образом, во-вторых, оказывается, что поступок есть способ реализации определенной цели, а конкретное действие (забивание гвоздя) – средство реализации поставленной цели. Стало быть, в-третьих, происходящее в сознании (цель, выбор средств и, наконец, решение) предшествует переходу в действительность.

Описание поступка, таким образом, охватывает весь круг проблем, составляющих содержание этики как науки о морали: вопросы о содержании и смысле морали, общем и различном в понятиях «мораль» и «нравственность», о выборе и, стало быть, его основании – свободе, о моральной ценности и антиценности.

Путь от характеристики нравственного поступка может вести вширь – к исследованию поведения человека, к характеристике обстоятельств, что ставит целый круг проблем нравственной жизни общества, нравственного фундамента человеческой культуры, исторических типов нравственности, короче, ведет к рассмотрению нравственности как культурно-исторического феномена.

Другой путь – в глубь человеческого сознания, в исследование мотивов, истоков морального сознания, его форм (или типов) и их взаимосвязей.

Наконец, третий путь, ведущий от анализа нравственно-

го поступка и соединяющий два предыдущих, – к исследованию нормативного и ценностного, к кодексам морали и моральным ценностям, восходит к проблеме идеала, а также проблемам нравственного воспитания и самосовершенствования, к прогрессу нравственности.

На каждом из этих путей возникают определенные связи этического исследования с историей и социологией, социальной и индивидуальной психологией, психологией творчества, с этнографией и этнологией, экологией и космологией и т. д. Наконец, очевидны и связи этики как философской дисциплины с религиоведением и теологией, аксиологией и философской антропологией, логикой и философией культуры, а также с оккультными науками – теософией, антропософией и т. п.

Из сказанного ясно, что нравственный поступок можно рассматривать как ту клеточку или ту каплю, в которой «заключен весь мир нравственности» и отражен «весь океан морали». Не менее очевидно, что и этот мир, и этот океан неисчерпаемы.

И задача пособия – представить основы этики в соответствии с принятой программой, дать тот объем знаний, который необходим каждому, получающему высшее образование. Знание того, что представляют собою мораль и нравственность, должно быть присуще каждому человеку как гражданину и как личности.

Особенности данного учебного пособия в том, что ав-

тор, рассматривая нравственность как явление, изначально характеризующее человеческое общество, представляет ее как культурно-исторический феномен, отличающийся сложным, нередко противоречивым соединением постоянства и изменчивости, пронизывающим все сферы человеческой деятельности, однако не утрачивающим своеобразие. Общее, частное и единичное в морали и нравственности предполагает многообразие точек зрения. Поэтому автор, не претендуя на открытие новых горизонтов, заранее подчеркивает определенную субъективность в трактовке ряда вопросов и оценке накопленного к началу XXI в. опыта изложения этических проблем.

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. Предмет этики

В IV в. до н. э. Аристотель, один из великих древнегреческих мыслителей, создал первую систему наук, определенным образом связав их между собой. Эта система охватывала весь накопленный к тому времени опыт познания человеком космоса, природы, общества и человека. Сочинение, посвященное проблемам межчеловеческих отношений и воспитанию добродетелей, Аристотель назвал «*Этикой*».

Само слово «этика» происходит от греческого слова *ηθος*, что значит «нрав, нравы». В системе наук Аристотель поместил этику между учением о душе (психология) и учением о государстве (политика). Таким образом, он подчеркнул, что, с одной стороны, основанием этики является психология, трактующая устройство души, психические особенности человека, его внутренний мир; с другой стороны, практическая задача этики – воспитание достойного гражданина государства путем формирования его нравственных качеств.

В этике Аристотеля центральное место занимают вопросы о благе, природе и классификации добродетелей, о свободе

воли и поведении человека, его целеполагающей деятельности, о дружбе и проблеме высшего блага. То есть Аристотель сумел обозначить многие так называемые «вечные вопросы морали». Однако содержание «Этики» шире: здесь Аристотель закладывает, в частности, основы политической экономики и правоведения.

Но Аристотель не определяет понятий «нравственность» и «мораль». Греческие мыслители (Аристотель, Демокрит и др.), характеризуя правильное поведение и правильное мышление, описывали именно нравственное поведение и моральное сознание, и только римские стоики (Сенека, Эпиктет, Плутарх и др.) отождествили с такого рода поведением и сознанием понятие «нравственного».

Путь к абстрактным понятиям в языке достаточно долог: не только в древности, но и в Средневековье еще не было понятий «морали» и «нравственности». И хотя слова «мораль» и «нравственность» появляются в эпоху Возрождения, а в Новое время становятся общеупотребительными, об их толковании задумываются только в Новое время.

Долгая история формирования и функционирования этих понятий отразилась как на богатстве их содержания, так и на трудностях их определения. Даже современное обыденное словоупотребление расходится с попытками научного определения. Отметим, что в житейском словоупотреблении смешивают не только «мораль» и «нравственность», но и «этику».

Сплошь и рядом, вместо того чтобы сказать «Это безнравственный поступок», говорят «аморальный», «неэтичный»... Если человек пил водку из фужера или ел кашу вилкой, говорилось «это неэтично», хотя и то и другое было лишь нарушением этикета.

Такое неточное словоупотребление имеет двоякое происхождение. Во-первых, оттого что в обыденном языке слова «мораль» и «нравственность» считаются синонимами. Во-вторых, вследствие прекращения в 1920-е гг. преподавания этики и забвения того, что со времен Аристотеля этика рассматривалась как наука о морали или «практическая философия», то есть слово «этика» уже в античности обрело смысл, отграничивший его от близких к нему в других языках. Поэтому и на французском, где есть слово *morale*, и в русском, где, как и в немецком, есть собственное слово — «нравственность» — *Sittlichkeit*, наряду с обрусевшим словом «мораль» при обозначении науки о морали (нравственности) всегда писали или говорили «этика». И во Франции, и в Англии, и в Германии будут при этом также пользоваться терминами *Etique*, *Ethics*, *Ethik*. Такова роль исторической традиции. И хотя отличие содержания последнего слова от двух других известно, закреплено в науке, а нынешнее «неэтично», «неэтичный поступок» — явное свидетельство невежества, исторически это объяснимо.

Значительно сложнее с понятиями «мораль» и «нравственность». До сих пор считается, что в русском языке это

просто синонимы. Собственно говоря, так оно и было в силу указанной выше причины. Научная литература настаивает на их тождестве, и во всех словарях эти два слова пишутся как синонимы. Но самый живой, обыденный, разговорный язык тут же опровергает это. В общеизвестном выражении «Ну вот! Нам опять прочитали мораль» невозможно заменить это слово на «нравственность». Почему? Объяснение опять-таки дает история. Слово «мораль» пришло из французского языка. Гувернеры-французы своим воспитанникам в буквальном смысле слова «читали мораль» – то есть наставления, назидания, касающиеся правильного поведения. «Нрав» не имел ничего общего с книжной ученостью. Произведенное от «нрав» понятие «нравственность» касалось реального поведения, практического действия, поступка.

То есть понятие «мораль» относится к сфере сознания (моральный кодекс, моральные нормы, моральный выбор), тогда как понятие «нравственность» характеризует реальное поведение (нравственный поступок, нравственный конфликт). Отсюда – удачное выражение, предложенное Н. Н. Круговым: «Нравственность – мораль в действии».

В вышедшем в 2001 г. под редакцией Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова фундаментальном издании «Этика. Энциклопедический словарь» подчеркнуто: «В русском языке нет устойчивых словосочетаний, где слова "этика", "мораль" и "нравственность" не были бы взаимозаменяемыми, хотя и есть смысловые контексты, когда чувство языка требует от-

давать предпочтение какому-то одному из них...»

В этом словаре статья «мораль» занимает более шести страниц, тогда как статья «нравственность» – один столбец. В первой сказано: «Мораль – понятие, посредством которого в мыслительном и практическом опыте людей вычленяются обычаи, законы, поступки, характеры, выражающие высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное создание (существо)».

И далее: «В языке, где употребляются одновременно оба слова (как в русском – "мораль" и "нравственность" или в немецком – *Moral* и *Sittlichkeit*), они, как правило, выступают синонимами либо обозначают отдельные стороны (уровни) морали. однако концептуализации такого рода носят по преимуществу авторский характер и никак не коррелируют с живым словоупотреблением».

И вновь подчеркнуто: «Разведением понятий "мораль" и "нравственность" как будто выполняется важная методологическая задача концептуально-дифференцированного описания сферы морали вообще, однако это решение задачи не может быть проведено последовательно, поскольку данных двух понятий для этого недостаточно. Вместе с тем контент-анализ массовой печати и эмпирические исследования обычной лексики (пока проводившиеся в пилотном режиме) не подтверждают наличия различий между этими понятиями».

Таким образом, и в самых последних изданиях сохраняется отождествление понятий «мораль» и «нравственность». Причина в том, что всю сферу нравственности упорно сводят именно к сознанию. Согласно этой точке зрения, суть «нравственного» и «морального» едина: это сфера человеческого сознания, поскольку поведение не более чем реализация того, что ранее было в сознании... Однако последовательное проведение данной точки зрения приводит к абсурду.

В конце XIX в. неокантианец Пауль Генсель, обратившись к известной басне Эзопа «Пустынник и Медведь», утверждал, что Медведь совершил нравственный поступок.

Напомню содержание басни. Подружились Пустынник и Медведь. Однажды Пустынник заснул. Прилетела муха и стала ползать по лицу старца. Медведь раз, другой, третий отгонял ее, чтобы Пустынник мог спать спокойно, но назойливая муха прилетала снова и снова. И тогда Медведь, взяв булыжник, убил муху., одновременно разможив череп Пустыннику. Но убийство Пустынника не входило в намерение Медведя, говорит Генсель. Мотив был вполне нравственный – защитить сон Пустынника. А за то, каков окажется результат, совершивший поступок не отвечает.

Те, кто полагают, что поведение не более чем реализация того, что было в сознании, вынуждены будут признать справедливость рассуждения Генселя.

Итак, предварительное рассмотрение трех основных по-

нятий – этика, мораль, нравственность – позволяет дать краткие определения: этика – наука о нравственности и морали; мораль – вся сфера морального сознания, включающая заповеди, нормы, кодексы и индивидуальные моральные убеждения; нравственность – вся сфера реальных отношений и поведения, взятых в их непосредственно межличностном содержании и именно с точки зрения этого содержания оцениваемых.

Своеобразие морали и нравственности в том, что они пронизывают всю жизнь человеческого общества и отдельного человека. Живущие в обществе люди реально оказываются лишь более или менее связаны с теми или иными сферами жизни общества (наукой, политикой, религией, правом и т. д.) – и это, однако, не мешает им быть полноценными членами человеческого общежития. Но нет и не было, более того – и быть не может! – человека, который был бы посторонним, чуждым сфере морали и нравственности. И дело здесь не в его личном желании. Человек может ничего не знать об этой сфере, но не может – если он человек – оказаться вне ее.

Итак, мораль имеет отношение к сфере сознания, а нравственность – к действию. И оказывается, что между моральным сознанием и нравственным поведением далеко не однозначная связь. Напротив, здесь возможны весьма сложные, противоречивые отношения; это обстоятельство давно известно и закреплено в афоризме «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

«Мораль» и «нравственность», исходя из уже сказанного, понятия близкие, но они образуют единство, а не тождество.

Вот почему в отличие от принятых определений этики («наука о морали» или «наука о нравственности») было предложено: «Этика – наука о нравственности и морали».

Обозначенные нами проблемы можно изучать, избрав ту или иную последовательность. В учебнике предложен исторический подход. После «Вступления» следует изложение истории этических учений, то есть того, как возникла и развивалась этика. Затем рассматривается нравственность как культурно-исторический феномен – от возникновения до современности. После истории – обращение к некоторым проблемам современной теории морали и, наконец, раздел, посвященный нравственной культуре и моральным ценностям.

В заключение определим процесс изменения и обогащения предмета этики.

Со времени Аристотеля и до XX в. этика как наука о морали рассматривалась обычно как «практическая философия» и составляла заключительный раздел философской системы. Нередко мыслители прошлого подчеркивали, что этика – важнейшая часть философии, тогда как две первые (онтология – учение о бытии, гносеология – учение о познании) служат для нее основанием. Для столь разных мыслителей, какими были Декарт и Спиноза, Фейербах и Ницше, их труды по этике были итогом всей жизни.

С. Л. Франк считал основным вопросом философии во-

прос о смысле жизни. Подобная позиция типична для русской философии рубежа XIX–XX вв. Прослеживая сложную эволюцию западноевропейской и американской философии в XX в., обнаруживаешь эту же тенденцию. Этизация философии – следствие актуализации проблем человека и человечества.

Попытаемся очертить современные границы предмета этики.

Во-первых, это традиционное ядро классической этики: проблемы свободы, необходимости и ответственности человека; нормативная этика, проблема относительного или абсолютного характера морали, подразумевающая решение вопросов ее происхождения, развития и сущности; история этических учений; проблема моральных ценностей и вопросы нравственного воспитания.

Во-вторых, это круг исследований, связывающих этику с широким и многогранным исследованием проблем человека: этические проблемы психологии, социологии, социальной психологии, этнологии, культурологии, антропологии, медицины, юриспруденции, права, искусства и т. д. Некоторые из этих направлений уже приобрели статус прикладных или самостоятельных «этик»: экологическая этика, космическая этика, аксиологическая этика (или этика ценностей), все возрастающий ряд профессиональных этик – педагогическая, юридическая, журналистская, медицинская, вплоть до этики торгового работника, этики бизнеса, деловой этики

и т. п.

В-третьих, возникают такие направления этического исследования, которые отражают наиболее актуальные и новые проблемы: такова, например, этика ненасилия.

В последние 5–6 лет весьма серьезно разрабатывается, в том числе и в России, этика религии, возродилась православная этика.

Возрастающее воздействие человека на окружающий его мир привело к тому, что сфера нравственности (морали) вышла за определенные ей со времен Аристотеля границы межчеловеческих отношений. Экологическая этика и космическая этика – тому наглядное подтверждение. Развитие в наши дни биоэтики и эвтаназии, внимание к проблемам жизни и смерти убедительно показали относительность и границы социальных отношений. Воздействуя на окружающую его природу, человек в то же время изучает и познает самого себя, открывая неведомые ранее бездны, – в этом глубинная причина расширения сферы нравственности и морали.

В далекие времена, когда столкнулись два типа морали – первобытно-общинная и рабовладельческая, философы попытались осмыслить этот конфликт, и в результате возникла этика. Сегодня кризис, переживаемый человечеством, несравненно шире и глубже.

Приведу слова кинорежиссера-документалиста и писателя Светланы Алексиевич: «Разлом, распад, который достался нашим поколениям, – не только советская, коммунисти-

ческая катастрофа. В конце XX в. две утопические энергии – социализм и фашизм – потерпели поражение, потому что насильствовали и провоцировали природу человека. Сам тип современной цивилизации переживает кризис. Сегодня надо говорить о тупиках, в которых оказалось все человечество в конце XX в.».

Апокалипсис? Светопредставление? Но это не просто конец, но и начало. Начало новой цивилизации, один из важных симптомов которой – внимание к человеку. «Человек есть высшая ценность!» – это принцип новой этики ненасилия и вечный принцип подлинной общечеловеческой этики.

Глава 2. Свобода, необходимость, ответственность

Человек совершает поступок. Ситуация, с которой сталкивается каждый и ежедневно. В большинстве случаев мы о ней даже не задумываемся. Поступки различны, естественно, различными оказываются и их оценки. Но, прежде чем спрашивать, какую цель имел человек, необходимо задуматься над тем, является ли человек автором своего поступка? Может быть, люди всего лишь марионетки в театре жизни?

Снова вспомним Аристотеля. Он первый четко разделил человеческие действия на произвольные (когда человек – автор поступка), непроизвольные (когда причина действия вне человека) и смешанные, или полупроизвольные.

Таким образом, для Аристотеля то, что человек может выбирать и являться автором своих поступков, то есть человек обладает свободой воли, есть нечто самоочевидное. «Хотеть – значит мочь». Так ли это?

Простой пример. Утро. Будний день. Студент, накануне поздно вернувшийся с вечеринки, пробудившись, вспоминает о занятиях. Пойти или не пойти? С одной стороны – надо пойти, исходя из обязанностей. С другой – не хочется, исходя из желания отдохнуть. Оказывается, есть внешние условия, требования, нарушение которых влечет определенные

санкции: выговор, упоминание в приказе по университету, наконец, отчисление. И, тяжело вздохнув, студент отправляется на лекции. Вот вам смешанный поступок – ибо принуждают обстоятельства, но выбор сделан самим. Если же студент повинует не из страха, а по внутреннему убеждению или посредством самопринуждения – его поступок, по Аристотелю, произволен.

Но все предшествующие рассуждения подразумевают, как нечто само собой разумеющееся, свободу человека – хотя сразу возникают ограничивающие ее моменты.

Каковы же эти ограничения? Свобода человека оказывается ограничена временем и пространством; устройством общества: хозяйственным укладом, законами, обычаями. Вспомним А. С. Пушкина: «Обычай – деспот меж людей.» Она ограничена характером убеждений, мировоззрением человека, данным им словом, обещанием. Некоторые из этих ограничений абсолютны – таково, например, ограничение временем. Степень иных ограничений свободы различна, но достаточно существенна. Ограничения свободы имеют как внешний, так и внутренний характер. Последнее обстоятельство подчеркнул Бернард Шоу: «Свобода означает ответственность. Вот почему многие боятся ее».

И напротив, многими свобода рассматривалась как величайшее благо. Герой Сервантеса в XVII в. говорит своему оруженосцу: «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с ней не могут

сравниться никакие сокровища: ни те, что таятся в недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском».

Но какое отношение философская проблема свободы имеет к этике? Нравственности? Морали?

Оказывается, самое непосредственное.

В самом деле, если человек только орудие – Судьбы, Божества, Закона, Необходимости – и он поступает только так, как предопределено, он не несет никакой ответственности. Он просто не может поступить произвольно: марионетки не отвечают за кукловода. Но тогда исчезает сама возможность моральной оценки. Нет ни добра, ни зла, нет самой нравственности, а стало быть, невозможна и этика как наука о нравственности и морали. Таким образом, необходимой предпосылкой этики является утверждение, что человек обладает свободой выбора, что именно он является автором своего поступка.

Фатализм и волюнтаризм

В истории человеческой мысли и в истории человеческого общежития на вопрос о свободе человека давались разные ответы:

- *первый*: отрицание свободы человека;
- *второй*: утверждение абсолютной, ничем не ограниченной свободы; ® *третий*: признание свободы воли человека в исторически определенных границах.

Как правило, последовательное проведение первой позиции оказывается невозможным, коль скоро ее сторонники обращаются к проблемам нравственности и морали.

Например, Блаженный Августин полагал, что без воли Божьей и волос не упадет с головы человека. Однако если человек – орудие Божественной воли, вся ответственность за его поступки ложится на Бога. Выход из затруднения Августин находит в первородном грехе. До грехопадения Адам и Ева жили в раю, не ведая различия между добром и злом. Вкусив, по наущению змея, яблоко с Древа Познания, что было запрещено Богом, они проявили своеволие. С тех пор человек обрел свободу воли, но как свободу грешить. Воля оказалась злом для человека, и поэтому богопослушный человек обязан истребить всякое своеволие. Добрые поступки, по Августину, совершаются человеком по воле Бога, злые – по своей воле. Против такой однобокости в признании свободы воли выступил Пелагий, обратившийся к Богу со словами: «Ты создал нас людьми, но нравственными мы сделаем себя сами». Человек по собственной воле может не только грешить, но и совершать праведные поступки.

Общий знаменатель жесткого детерминизма и учения о предопределении – фатализм (от лат. *fatalis* – роковой, *fatum* – рок, судьба). Это мировоззрение, рассматривающее каждое событие и каждый человеческий поступок как неотвратимую реализацию изначального предопределения, исключая свободного выбор и случайность. Его суть передают

многие пословицы: «Чему быть, того не миновать», «Судьба-индейка, а жизнь – копейка», «Судьба играет человеком». Если вдуматься, то позиция фатализма глубоко пессимистична: человек не более чем игрушка в руках судьбы, от которой нет спасенья, – остается лишь покориться ей.

Казалось бы, позиция индетерминизма, прямо противоположная фатализму, утверждая абсолютную, ничем не ограниченную свободу воли человека, должна быть оптимистичной. Но Артур Шопенгауэр, в основу своей философской концепции положивший волю, – один из наиболее глубоких пессимистов. Впрочем, лежащая в основе всего воля Шопенгауэра очень похожа на фатум – судьбу, поскольку люди – не более чем проявление этой мировой воли. Они обречены на страдание и отнюдь не хозяева своей судьбы.

Иначе рассматривают абсолютность человеческой свободы французские экзистенциалисты – Жан-Поль Сартр и Альбер Камю. Человек свободен, но свобода не благо, а проклятие: человек постоянно находится в состоянии выбора, но у него нет надежного критерия – правилен ли его выбор. Более того, какой бы выбор человек не сделал, он неизбежно обернется абсурдом или получится обратное тому, на что человек рассчитывал.

Абсолютная свобода, по сути дела, ничего не меняет в фаталистическом, непредсказуемом результате.

Обратимся к третьему ответу, к позиции признания свободы человека в исторически определенных границах.

История человечества как саморазвитие свободы или расширение границ свободы выбора

Демокрит, живший на рубеже V–IV вв. до н. э., едва ли не первый из мыслителей представил человеческое общество в развитии, подчеркнув, что «сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом». Он назвал объективные условия, реальные границы возможности свободного выбора человека, указав на нужду и накопление опыта.

Необходимость (нужда) побуждает к действию, к деятельности. Давление необходимости отражается в формирующемся сознании как потребность в изыскании новых способов добывания пищи. Приобретаемый опыт расширяет реальную возможность в этом направлении. Так, переход от рубила к луку и стрелам расширяет возможности охоты. И каждое последующее изобретение, говорит Демокрит, освобождает человека от некогда полного подчинения объективной, природной необходимости.

Подчеркнем, что с накоплением опыта неуклонно расширяются объективные границы свободы выбора.

Историческая точка зрения, называемая нередко историческим детерминизмом, не отрицает свободы, а подчеркивает органическую и противоречивую (диалектическую) взаи-

мосвязь необходимости и свободы.

«В реальной действительности свобода присутствует в необходимости в виде непрерывной цепи свободы выбора, которая была осуществлена прошлыми поколениями и привела общество к его данному состоянию; в свою очередь и необходимость присутствует в свободе в виде объективных обстоятельств и не может претвориться в жизнь иначе, как благодаря свободной деятельности людей»¹.

Например, человек впервые оказывается в незнакомом городе. Ему необходимо найти учреждение, куда он командирован, но он не знает, каким видом транспорта он туда попадет. Спросив, он узнает, что ему годится троллейбус № 10, и терпеливо ждет, когда он подойдет. То есть он предельно ограничен в возможности выбора, зависим только от одного вида транспорта. Спустя несколько дней, освоившись, он уже знает, что до учреждения можно добраться также несколькими трамваями и автобусами... Насколько расширилась его возможность выбирать, настолько он стал свободнее в передвижении.

Иначе говоря, с каждым достижением науки и техники объективная возможность свободы человека неуклонно расширяется.

Но если мы от технических достижений перейдем к переменам в социальной жизни, окажется, что здесь объем свободы возрастал гораздо медленнее и несравненно более про-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 570.

тиворечиво.

Указанное различие станет яснее, если обратиться к двум аспектам свободы. Их можно назвать отрицательным и положительным, часто названные аспекты характеризуют как «свободу ОТ» и «свободу ДЛЯ».

«Свобода ОТ» жесткой природной необходимости. Самое первое завоевание на этом пути – освобождение от действия биологического закона эволюции с возникновением первых социальных закономерностей. Не удовлетворение биологических инстинктов, но осознанное удовлетворение материальных потребностей, которое существенно изменяет и самую потребность. На примере развития средств передвижения можно понять, как сочетаются эти аспекты свободы. Освобождение от жесткой природной необходимости лежит в основе свободы творчества, то есть свободы для создания, в частности, средств передвижения. А многообразие созданных человеком средств передвижения, в свою очередь, способствует развитию свободы.

«Свобода ОТ» любых форм угнетения человека человеком. На протяжении всей истории массы людей, угнетенные той или иной формой господства, стремились к свободе. Восстание Спартака в Древнем Риме, восстание Уота Тайлера в средневековой Англии, восстание «желтых повязок» в феодальном Китае, крестьянские войны Степана Разина и Емельяна Пугачева в России, революции – от Нидерландской XVII в. до Великой французской в конце XVIII в.

и Февральской и Октябрьской 1917 г. в России – имели один общий знаменатель: стремление к свободе.

Однако «свобода ОТ» – лишь необходимое условие осуществления «свободы ДЛЯ».

В. Е. Давидович в своем исследовании свободы указал четыре ее грани: свободу жить, свободу мыслить, свободу решать и свободу действовать.

Свобода от природной зависимости и политическая свобода составляют основание для всех других форм свободы, поскольку прямо относятся к свободе жить.

Одним из величайших завоеваний человечества является свободомыслие, то есть свобода мыслить. Мученики свободомыслия в истории человечества хорошо известны: Сократ, П. Абеляр, М. Сервет, Т. Мор, Дж. Бруно, Г. Галилей. В Новое время тех, кто стремился свободно мыслить, не сжигали на кострах, но нередко лишали свободы и преследовали. В XX в. достаточно напомнить о жертвах фашизма и сталинизма: Карл фон Осецкий и Павел Флоренский, а далее «имя им – легион». В последние годы скандально известными событиями стали: заочный смертный приговор Салману Рушди в Иране за «Сатанинские стихи» и зверское убийство отца Александра Меня под Москвой.

Оказывается, что первые две грани свободы – свобода жить и свобода мыслить – имеют четко выраженный нравственный аспект, однако же прямое отношение к сфере нравственности и морали имеют две другие грани свободы – сво-

бода решать и свобода действовать.

Внутренняя свобода

В философских концепциях свобода воли есть нравственная, индивидуальная форма свободы. Как нет коллективной совести, так нет и «группового поступка». «Свобода воли – философское понятие, обозначающее самоопределяемость человека в своих действиях», – говорится в «Философском энциклопедическом словаре».

Самоопределяемость в своих действиях предполагает единство разума, чувств и воли. Сложность и трудность заключается в расхождении, разрыве, даже противостоянии этих составляющих. В рационалистических этических концепциях считается, что чувства (эмоции) оказывают помехой для морального выбора и нравственного поступка. Поэтому лишь подавив их, человек поступает нравственно. Наиболее последовательно эту точку зрения развил Кант.

Обратимся к «Размышлениям» Марка Аврелия (121–180). Исключительную роль он придает разумной воле. Именно благодаря органическому единству разума и воли человек в полном смысле слова становится человеком.

Истинно свободен тот, кто является господином над своими чувствами, желаниями, стремлениями. Именно эта внутренняя свобода и есть, с точки зрения Марка Аврелия, свобода нравственная.

Человеку «радость – делать то, что человеку свойственно», а именно: любить ближнего, быть благожелательным, терпимым, почитать благом собственное деяние, а не награду за него. Именно такой человек может быть и становится нравственно свободным. При этом, по Марку Аврелию, над ним уже не властны ни рок, ни промысел, ни случайность. Каково бы ни было мироустройство, оно не может ни отнять, ни ограничить нравственную свободу как свободу человеческого духа.

Нравственная деятельность только та, что совершается по свободной воле, по моральным мотивам, а не по чужой воле или по собственным прихотям и произволу.

От этих размышлений Марка Аврелия можно «протянуть ниточки» ко многим вечным проблемам морали и к острым вопросам современности.

Ограничимся лишь одним примером – соотношением внешней и внутренней свободы. Марка Аврелия интересует прежде всего свобода внутренняя, то, что названо было индивидуальной свободой воли или нравственной свободой, в отличие от внешних – политических, экономических и иных социальных свобод.

Всегда в борьбе угнетенных с угнетателями свобода внутренняя противопоставлялась внешней несвободе. С исключительной остротой эта мысль выражена у предшественника Марка Аврелия – раба Эпиктета: «Возьми мое тело, мое имущество, мою честь, мою семью – но мысли моей и во-

ли никто не может у меня отнять, ничто не в силах их под-
вать...»

Увы! В массе, как правило, раб телом оказывается и раб духом. Вековое порабощение неизбежно сказывается и на душевном складе. Взрыв возмущения тех, кто терпел гнет из поколения в поколение, оказывается, как точно сказал А. С. Пушкин, «бунтом бессмысленным и беспощадным». Достаточно вспомнить свирепость Крестьянской войны в Германии в XVI в., разгул разинщины и пугачевщины, жестокости санкюлотов в эпоху Великой французской революции... И уже совсем близко к нам – Октябрьская революция и Гражданская война и их кровавое наследие – годы сталинских репрессий. Сказалось «рабское наследие», доставшееся Союзу от Российской империи, которая была «тюрьмой народов». «Рабство порождает рабство, свобода – свободу», – говорил американский философ и поэт XIX в. Р. У. Эмерсон.

В современном обществе, пока еще весьма далеком от совершенства, по крайней мере достигнуто понимание органической связи внешней и внутренней свободы. Однако легче, пожалуй, свободу завоевать, нежели дорасти до завоеванного уровня свободы каждому члену внешне относительно свободного общества. Сегодня для каждого человека по-прежнему актуальны тяжелые в справедливости своей слова А. П. Чехова: «Нужно каждодневно, ежечасно, по капле выдавливать из себя раба».

Между тем нередко худший вид рабства полагают подлин-

ной свободой. Речь идет о произволе.

Произвол

«Нет человека, который не любил бы свободу; но справедливый требует ее для всех, несправедливый – только для себя», – заметил Людвиг Берне, немецкий публицист и критик, живший на рубеже XVIII–XIX вв. Словно уточняя его слова, веком позже английский писатель и издатель Э. Хаббард сказал: «Все тираны, когда-либо жившие на свете, тоже верили в свободу – свободу для самих себя».

Человек, опьяненный самовластьем, рано или поздно превращается в раба собственных прихотей, развивающейся подозрительности, страха за собственную жизнь. Две судьбы, разделенные временем и пространством, в этом отношении поразительно сходны – китайского императора Цинь Шихуанди, жившего в III в. до н. э., и «вождя всех народов» И. В. Сталина. Сходны они в жесточайшем преследовании инакомыслия, в политических репрессиях, в собственном произволе. И оба закончили жизнь в патологическом страхе. Император, боясь покушения, последние годы жизни провел в непрерывном перемещении с места на место, никому не доверяя. и в конце концов был убит одним из приближенных. Сталин в последние годы жизни превратился в самозаключенного, отдалившись ото всех и вся, в постоянном страхе, недоверии к самым приближенным и, по скудным источни-

кам, был оставлен умирать в одиночестве.

У тирана и самодура произвол обнаруживается или в формуле «чего моя левая нога хочет», или в убежденности, что «закон – мое желание, кого хочу – помилую, кого хочу – казню!»

Но есть иной вариант произвола, когда капризное своеволие рассматривается как проявление подлинной свободы индивидуальности, сколь вычурную форму это своеволие не обрело бы.

Послушаем героя «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского: «Ведь вы, господа, сколько мне известно, весь ваш реестр человеческих выгод взяли средним числом из статистических цифр и из научных формул. Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и т. д.; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел бы против этого реестра, был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, не так ли? Но ведь вот что удивительно: отчего это так происходит, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человеческого, при исчислении человеческих выгод постоянно одну выгоду пропускают? Даже и в расчет ее не берут в том виде, в каком ее следует брать, а от этого и весь расчет зависит... (И это) – свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы и самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы до сумасшествия, – вот это-то все и есть та самая, пропущенная самая выгодная выго-

да, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то добродетельного хотенья? Человеку надо – одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы она ни привела. И этот "каприз" может быть выгоднее всех выгод даже и в том случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, – потому что сохраняет во всяком случае нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.